

СОВСЕМ ДРУГАЯ СКАЗКА

КАРМЕН ЛУНА

Кармен Луна

Совсем другая сказка

«Автор»

2026

Луна К.

Совсем другая сказка / К. Луна — «Автор», 2026

Аня была обычной московской айтишницей — пока не очнулась в стеклянном гробу посреди сказочного леса. Теперь она Белоснежка, добрая мачеха пытается изображать злую королеву, семь гномов укатили на Канары, а вместо прекрасного принца девушку встречает двухметровое Чудовище с отвратительным характером. Чтобы вернуться домой, Ане придётся разобраться в сломанном сказочном сюжете. Но всё становится ещё сложнее, когда появляется настоящая Красавица, готовая на всё ради предназначенного ей принца. Впереди — магические долги, шерстяной бизнес, опасные ведьмы, война и любовь, которой не было ни в одном сценарии. Потому что иногда счастливая сказка начинается именно тогда, когда всё идёт совершенно не по плану.

© Луна К., 2026

© Автор, 2026

Кармен Луна

Совсем другая сказка

Глава 1

Знаете, что хуже всего в понедельникном утре? Когда оно оказывается не понедельником, не утром, и вообще не в том веке, в котором ты засыпала. А когда тебя будят чьи-то губы — влажные, горячие и размером с половину твоего лица — это уже не утро, а прямая дорога в психиатрическую лечебницу.

Первое, что я почувствовала — запах. Не "Шанель номер пять" и не даже банальный "Акис". Это было что-то дикое, лесное, с примесью мха, старой кожи и... бога ты мой... влажной собачьей шерсти. Романтично? Как инфаркт в медовый месяц.

Второе — фактура. Губы были определено не человеческие. Слишком большие, слишком шершавые, и от них шла такая жара, будто меня целовал не принц, а отопительный котел с волосатостью Робина Уильямса.

Я резко открыла глаза и увидела...

Морду.

Самую настоящую, волосатую, клыкастую морду с желтыми глазами размером с блюдца. Если бы я искала определение слова "охренеть" в словаре, там была бы именно эта картинка.

— ААААААА! — заорала я так, что где-то в лесу испуганно взлетели птицы.

— ААААААА! — заорал владелец морды в ответ и отпрыгнул от меня так резко, что грохнулся задом о какой-то пенек.

Мы несколько секунд пялились друг на друга. Я — на двухметровую тушу, покрытую темно-коричневой шерстью, с руками-лапами размером с сковородки и мордой, которая явно не собиралась украшать обложку "Космополитен". Он — на меня, и по его морде было видно, что я тоже не соответствую его ожиданиям.

— Блин, — выдохнул он, — опять не та.

Голос у него был удивительно человеческий — хрипловатый, с легкой грустинкой, как у курильщика со стажем, который только что узнал о повышении цен на сигареты.

— Простите... что? — Я села, потирая затылок. Лежала я, оказывается, в каком-то стеклянном ящике, который больше всего напоминал гроб. Супер. Просто охренительно супер.

— Ты не Красавица, — констатировал Лохматый с таким видом, будто сообщал мне прогноз погоды. Неутешительный прогноз.

— А вы не принц, — огрызнулась я, выбираясь из своего стеклянного саркофага. — Если только не из династии Планеты Обезьян.

Он поморщился, как от зубной боли.

— Виктор, — представился он мрачно. — Временно исполняющий обязанности принца. С большой неохотой и мизерной зарплатой.

— Аня, — ответила я, оглядываясь. — Временно исполняющая обязанности трупа, судя по всему.

Мы стояли посреди поляны, которая выглядела так, будто ее оформляли декораторы Диснея во время особо тяжелого запоя. Все было слишком ярко, слишком красиво и слишком нереально. Трава переливалась всеми оттенками изумрудного, цветы росли идеальными клумбами, а деревья тянулись в небо так ровно, будто их выравнивали по линейке.

— Где я? — спросила я, хотя в душе уже зрело ужасное подозрение.

— В Зачарованном лесу, — ответил Виктор, отряхивая с себя листья. — Сектор семь-Б, если точнее. Добро пожаловать в сказку, дорогая. Извини, что не встретил с оркестром, но бюджет урезали.

Сказка. Ну конечно. А что еще? НЛО? Параллельная вселенная? Тяжелая форма алкогольного делирия? Хотя последнее звучало наиболее правдоподобно, учитывая, что вчера я добила бутылку вина, которая стояла в холодильнике со времен ледникового периода.

— И что я здесь делаю?

— По идее, ты должна быть Белоснежкой, — Виктор почесал за ухом, и это движение было настолько по-собачьи, что я невольно улыбнулась. — Система автоматически присваивает роли при входе в сказку. Правда, ты на Белоснежку похожа как я на балерину Большого театра.

Я посмотрела на себя. Джинсы, футболка с надписью "Wifi не ловит? Попробуй молиться", кроссовки. Да, определенно не принцесский образ.

— А вы что здесь делаете? По-моему, Чудовища живут в замках и держат в заточении красавиц. Как минимум, по ГОСТу.

— ГОСТ отменили, — мрачно сообщил он. — Замок отобрали за неуплату налогов, красавиц держать в заточении запретил закон о правах личности. Теперь только по обоюдному согласию и с соблюдением трудового кодекса. А поскольку желающих нет...

— Вы остались без работы?

— Я переквалифицировался. Теперь работаю временно замещающим гномом.

Я моргнула раз. Потом еще раз. Информация категорически отказывалась укладываться в голове.

— Замещающим... гномом?

— Семь гномов уволились в прошлом году, — объяснил Виктор с видом человека, который уже устал объяснять очевидные вещи. — Профсоюз добился для них лучших условий в соседнем королевстве. Восьмичасовой рабочий день, медицинская страховка, отпуск на море. А тут им предлагали жить семером в одной комнате и целыми днями петь рабочие песни. Сами понимаете, условия не ахти.

— И вы их заменили?

— Временно. Пока не найдут достойную замену или гномы не передумают. — Он тяжело вздохнул. — Честно говоря, я тоже подумываю о смене профессии. Белоснежки пошли не те. Последняя вообще была вегетарианкой и требовала отдельную ванну для каждого дня недели.

— А что случилось с предыдущими Белоснежками?

— Разное. Одна сбежала с разбойниками, заявив, что лесная романтика — это форменное дерьмо. Другая потребовала Wi-Fi и кондиционер, а когда ей объяснили про сказочную специфику, подала в суд за нарушение прав потребителя. Третья... — он поморщился, — третья оказалась феминисткой и устроила лекции о том, что нужно самой добывать средства к существованию, а не сидеть на шее у мужчин, пусть даже и гномов.

— Мне она нравится, — заметила я.

— Мне тоже, — неожиданно признался Виктор. — Но сказка от этого не двигалась с мертвой точки.

— А что должно происходить в сказке?

— По канону? Ты должна убегать от злой мачехи, находить домик гномов, жить с ними в гармонии, есть отравленное яблоко, засыпать, а потом тебя должен разбудить поцелуй принца.

— Но меня разбудили вы.

— Техническая ошибка, — буркнул он. — Я просто шел мимо, увидел очередную Белоснежку в гробу и подумал... — он замялся.

— Что подумали?

— Что, может, на этот раз повезет. — Он отвернулся, и в профиль его морда выглядела почти... грустной? — У меня тоже есть проклятие, которое должно сниматься поцелуем истинной любви. Я уже лет пять жду свою Красавицу, но она все не приходит. Вот и решил попробовать... междисциплинарный подход.

— Поцеловать чужую принцессу?

— Ну да. Глупо, конечно. — Он пнул шишку. — Но отчаяние — оно такое.

Я внимательно посмотрела на него. Под всей этой шерстью и клыками скрывался... одиночка. Усталый, разочарованный, но по-своему добрый. Во всяком случае, он не съел меня, хотя технически вполне мог бы.

— А где ваша Красавица?

— Хрен ее знает. По расписанию должна была появиться еще три года назад. Может, заблудилась. Может, передумала. А может, просто не читает GPS-навигатор.

— У вас тут есть GPS?

— Магический аналог. Работает хреново, но что поделать. — Виктор поднялся. — Ладно, раз уж ты здесь, пошли к домику. Объясню правила, покормлю чем-нибудь. А потом решим, что с тобой делать.

— А может, я просто уйду? Вернусь домой?

Он посмотрел на меня с таким сочувствием, что сердце екнуло.

— Дорогая, из сказки просто так не уходят. Нужно довести сюжет до конца. Это как... как компьютерная игра. Пока не выполнишь квест, на следующий уровень не перейдешь.

— А если не выполню?

— Застрянешь здесь навсегда. — Он развернулся к лесной тропинке. — Пошли. У меня дома есть кофе. Правда, из желудей, но все же лучше, чем ничего.

Кофе из желудей. Боже мой, во что я вляпалась?

Но идти было некуда. Лес вокруг выглядел бескрайним, тропинок было множество, и все они вели в неизвестность. А Виктор, при всей своей лохматости и зубастости, казался единственным адекватным существом в этом безумном мире.

— Подождите, — окликнула я его. — А как вас... того... расколдовать?

Он остановился, не оборачиваясь.

— Поцелуй истинной любви, — сказал он тихо. — Банально, но что поделать. Видимо, Красавица должна полюбить меня таким, какой я есть.

— А если она не придет?

— Тогда я так и останусь чудовищем до конца дней своих. — Он пожал массивными плечами. — В принципе, уже привык. Хотя иногда хочется снова почувствовать себя человеком.

В его голосе была такая тоска, что мне захотелось его обнять. Что было, мягко говоря, странно, учитывая, что полчаса назад я его боялась как огня.

— Ну ладно, — сказала я, догоняя его. — Идемте знакомиться с вашим бытом. Хотя предупреждаю сразу — я не умею готовить пироги, петь с птичками и вообще быть принцессой.

— А я не умею быть гномом, — ответил он. — Но пока справляемся. Авось и с тобой что-нибудь придумаем.

Мы пошли по тропинке, ведущей в глубь сказочного леса. Я все еще надеялась, что это сон, галлюцинация или очень реалистичная компьютерная игра. Но Виктор шел рядом, большой, теплый и удивительно реальный, а воздух пах соснами и приключениями.

И знаете что? Может, оно и к лучшему. В реальной жизни мне в последнее время было скучно до зубного скрежета. А тут... тут точно не будет скучно.

Даже если придется стать Белоснежкой по совместительству.

Глава 2

Если бы мне сказали, что я буду идти по лесной тропинке рядом с двухметровым лохматым существом и при этом чувствовать себя в большей безопасности, чем в московском метро в час пик, я бы отправила такого доброжелателя к психиатру. Но вот, черт возьми, именно это и происходило.

Виктор шел впереди, раздвигая ветки своими лапищами размером с теннисные ракетки, и бурчал себе под нос что-то про "очередную неправильную Белоснежку" и "систему, которая работает хуже российских дорог". Я плелась за ним, пытаюсь не запутаться в корнях и осмыслить происходящее.

— Далеко еще? — спросила я, когда очередной корень чуть не отправил меня в нокаут.

— Минут пять, — ответил он, не оборачиваясь. — Дом специально построен в глуши. Чтобы любопытные туристы не шатались. А то в прошлом году целую группу блогеров пришлось выгонять. Снимали тиктоки на тему "Как я провела ночь с гномами". Мерзопакостно.

— А вы их чем отпугивали?

— Рычанием и демонстрацией клыков. Помогает безотказно. — В его голосе послышались довольные нотки. — Хотя одна особо упертая барышня требовала автограф. Пришлось показать ей когти поближе.

Мы вышли на очередную поляну, и я увидела... избушку. Не дворец, не замок, а самую обычную деревянную избушку, которая выглядела так, будто ее строили люди с очень приблизительным представлением о симметрии и эстетике. Крыша съехала влево, окна были разного размера, а дверь висела так криво, что создавалось впечатление, будто дом страдает от хронической мигрени.

— Ваш дом? — уточнила я.

— Временно мой, — поправил Виктор. — Раньше тут жили гномы. Семеро взрослых мужиков в одном доме, представляете, какой тут был бардак? Я до сих пор нахожу носки в самых неожиданных местах.

— А где они теперь?

— Сняли виллу на Канарах и укатили в отпуск. Коллективными усилиями накопили, умные ребята, чего уж там. А после отдыха собирались поселиться общиной на окраине леса. — Он толкнул дверь плечом, и она открылась со скрипом, который мог бы украсить любой фильм ужасов. — Добро пожаловать в мои скромные апартаменты.

Внутри было... уютно. Неожиданно уютно. Да, мебель была миниатюрной — явное наследие гномьего периода — но все было чисто, аккуратно и пахло домом. Камин весело потрескивал, на столе стояла ваза с полевыми цветами, а на подоконнике грелся на солнце рыжий кот размером с небольшую рысь.

— Знакомься, — сказал Виктор, кивая на кота, — это Рыжик. Он тут старожил.

Кот открыл один глаз, оценивающе посмотрел на меня и снова задремал. Видимо, я не произвела на него впечатления.

— Присаживайся, — Виктор указал на кресло, которое выглядело так, будто было создано для людей моего роста. — Расскажу тебе про местные порядки.

Я опустилась в кресло и тут же утонула в мягких подушках. После стеклянного гроба это было как попасть в рай.

— Итак, — начал Виктор, устраиваясь напротив в кресле, которое жалобно заскрипело под его весом, — основные правила. Первое: ты в сказке. Это не сон, не галлюцинация и не результат просроченного йогурта. Это реальность, просто другая.

— Понятно. — Я кивнула, хотя понятно было мало чего.

— Второе: ты автоматически получила роль Белоснежки. Система распределения ролей работает как старый принтер — медленно, с глюками, но отказаться нельзя.

— А если я не хочу быть Белоснежкой?

— А луна не хочет быть круглой, но что поделать. — Он пожал плечами. — Роль назначена, и пока не исполнишь сценарий до конца, отсюда не выберешься.

— А каков сценарий?

Виктор почесал за ухом — жест у него был до умиления собачьим.

— По классике жанра, ты должна сбежать от злой мачехи, найти домик гномов — это мы уже сделали, — жить здесь в мире и согласии, заниматься хозяйством, петь песни...

— Я не умею петь.

— ...ухаживать за нами, мужчинами...

— Я феминистка.

— ...потом съесть отравленное яблоко, упасть замертво, и тебя разбудит поцелуй принца.

— Меня уже разбудили. Вы.

— Вот именно. — Виктор потер морду лапами. — Поэтому у нас проблема. Сценарий нарушен, система глючит, и никто не знает, что делать дальше.

Я переварила информацию. Она ложилась в голову примерно как слон в самолет — с большим трудом и сомнительным результатом.

— А что происходит с теми, кто не доводит сюжет до конца?

— Застревают здесь навсегда. Становятся частью декораций. — Виктор встал и подошел к камину. — Видела птичек, которые поют за окном? Половина из них — бывшие Золушки, которые отказались выходить замуж за принцев.

— Seriously?

— Шучу. — Он ухмыльнулся, и клыки блеснули в свете огня. — Но доля правды в этом есть. Система не любит нарушителей спокойствия.

Рыжик спрыгнул с подоконника и подошел ко мне, требовательно мяукнув.

— Он хочет, чтобы ты его погладила, — перевел Виктор. — Рыжик тут единственный, кто не зависит от сценария. Коты вообще живут по своим правилам.

Я протянула руку, и кот милостиво разрешил себя погладить. Шерсть у него была мягкой, как кашемир, и теплой, как батарея в морозный день.

— А вы откуда здесь? — спросила я. — По сценарию вы ведь должны быть в другой сказке.

Виктор помрачнел.

— Длинная история. Коротко говоря, меня заколдовала одна... дамочка. За то, что я отказался на ней жениться.

— И что, просто так взяла и превратила в чудовище?

— Не просто так. У нее были причины. — Он отвернулся к окну. — Я тогда был... другим. Высокомерным принцем, который считал, что весь мир ему должен. Отвергал всех девушек, потому что они казались мне недостойными. А эта колдунья решила преподать мне урок.

— И преподала?

— Еще как. — Горький смех. — Теперь я знаю, каково это — быть отвергнутым из-за внешности. Ирония судьбы во всей красе.

— А условие расколдовывания?

— Кто-то должен полюбить меня таким, какой я есть. Полюбить настоящего меня, а не того принца, которым я был раньше. — Виктор вернулся к камину и подбросил дрова. — Красавица из моей сказки должна была явиться три года назад. Но что-то пошло не так.

— Может, она заблудилась?

— Может. А может, взглянула на меня и решила, что лучше поискать принца попроще. — Он пожал плечами. — В любом случае, я застрял между сказками. Слишком страшный для принца, слишком принцевский для чудовища.

Я посмотрела на него внимательнее. Да, выглядел он устрашающе. Но в его желтых глазах была грусть, которую не скроешь ни под какой шерстью. А еще — доброта. Странно это осознавать, но этот лохматый гигант казался мне безопаснее любого из парней, с которыми я встречалась в обычной жизни.

— А что будет, если ваша Красавица так и не появится?

— Останусь чудовищем до конца дней своих. — Он подошел к окну и выглянул наружу. — Хотя, знаешь, я уже почти свыкся с этой мыслью. Зато никто не пристаёт с разговорами о погоде и не просит селфи.

— И долго вы здесь живёте один?

— Года два уже. После того, как гномы съехали. — Виктор вернулся к креслу. — Поначалу было тяжело. Дом рассчитан на семерых, а я один. Тишина такая, что уши закладывает. Но потом привык. Читаю, готовлю, занимаюсь садом. Рыжик составляет компанию.

— А скучно не становится?

— Бывает. — Он посмотрел на меня с любопытством. — А ты откуда взялась? Как попала в сказку?

Я рассказала ему про свою обычную жизнь в Москве — работу программистом, съёмную квартиру, одиночество по вечерам и привычку засыпать под мультики. Виктор слушал внимательно, изредка переспрашивая про вещи, которые ему были непонятны.

— Интернет, значит, — задумчиво протянул он. — Как магическое зеркало, только лучше?

— Примерно. Только там не спрашивают, кто самая красивая. Там все сами себя красивыми считают.

— А работаешь ты... с этими, как их... компьютерами?

— Пишу программы. Объясняю железкам, что им делать.

— Как дрессировщица?

— Можно и так сказать. — Я улыбнулась. — Только железки капризнее любого тигра.

Виктор кивнул с пониманием.

— Тогда ты быстро освоишься. Здесь тоже все довольно капризное. Особенно местная магия.

Он встал и направился к кухне.

— Хочешь поесть? Предупреждаю сразу — готовлю я неважно. Гномы оставили кулинарную книгу, но она на древнесказочном языке. Половину рецептов не понимаю.

— Попробую помочь, — предложила я, следуя за ним.

Кухня оказалась крошечной, но функциональной. Холодильник работал на каких-то кристаллах, плита топилась дровами, а вместо микроволновки стояла загадочная штукавина, которая светила изнутри голубым светом.

— Это что? — спросила я, тыкая пальцем в светящуюся коробку.

— Магическая разогревалка. — Виктор открыл холодильник и начал доставать продукты. — Работает на принципе "подумай о горячем, и оно станет горячим". Иногда срабатывает, иногда взрывается. Русская рулетка для кулинаров.

— А это что за яйца? — Я взяла странное яйцо, которое переливалось всеми цветами радуги.

— От радужных кур. Вкус обычный, но выглядят эффектно. — Виктор достал сковородку. — Сделаю яичницу. Это единственное, что у меня более-менее получается.

Он начал готовить, и я наблюдала за ним с любопытством. Движения у него были удивительно аккуратные для такого гиганта. Когти деликатно разбивали яйца, а морда сосредоточенно сопела над сковородкой.

— Знаете, — сказала я, — вы совсем не такой страшный, как кажется на первый взгляд. Виктор замер.

— Это ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Да, выглядите вы... необычно. Но за все время нашего знакомства вы ни разу не рычали, не показывали зубы с угрозой и не пытались меня съесть. А среди людей, поверьте, попадаются экземпляры и пострашнее.

Он молча перевернул яичницу.

— Люди обычно шарахаются от меня, как от чумы.

— Люди вообще глупые, — философски заметила я. — Они боятся того, чего не понимают. А понимать стараются редко.

Виктор подал мне тарелку с яичницей. Пахло вкусно, а яйца переливались на тарелке как северное сияние.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— За что?

— За то, что не убежала с криками. За то, что слушаешь. За то, что не считаешь меня монстром.

Я попробовала яичницу. Вкус и правда был обычным, но очень приятным.

— Знаете, Виктор, — сказала я, — у меня есть подозрение, что эта сказка может оказаться интереснее, чем мы думаем.

— Почему?

— Потому что правила уже нарушены. А когда нарушены правила, начинается самое интересное.

Он посмотрел на меня так внимательно, что я почувствовала, как краснею.

— Надеюсь, ты права, — сказал он. — Очень надеюсь.

За окном начинал спускаться вечер, а в доме становилось все уютнее. И впервые за долгое время я почувствовала себя... дома. Странно, учитывая, что находилась в сказочном лесу с заколдованным чудовищем.

Но иногда дом — это не место. Иногда это просто ощущение, что тебя понимают.

Глава 3

После ужина Виктор предложил мне экскурсию по дому. Звучало это примерно как "хочешь посмотреть на мою коллекцию марок", но делать все равно было нечего, да и любопытство — моя главная слабость после шоколада и прокрастинации.

— Это спальня гномов, — сказал он, открывая дверь в комнату, где стояло семь кроватей размером с детские диванчики. — Можешь выбрать любую. Рекомендую кровать Ворчуна — у неё лучший матрас и меньше всего блох.

— Блох? — переспросила я с ужасом.

— Шучу, — ухмыльнулся Виктор. — У Простачка были блохи. Но он их увез с собой на Канары. Наверное, теперь они загорают на пляже.

Я выбрала кровать поближе к окну — если что, можно будет сбежать. Хотя куда бежать в сказочном лесу, было совершенно непонятно. Скорее всего, наткнусь на какую-нибудь избушку на курьих ножках или встречу Красную Шапочку с посттравматическим синдромом.

— А это гостиная, — Виктор толкнул следующую дверь. — Тут мы обычно собираемся по вечерам. То есть раньше собирались. Теперь тут только я и Рыжик.

Гостиная выглядела уютно: мягкие кресла, низкий столик, полки с книгами. И на стене...

— О боже мой, — выдохнула я.

На стене висело зеркало. Не простое, а в массивной золотой раме с завитушками, которые выглядели так, будто их лепил скульптор в состоянии алкогольного опьянения. Но самое главное — зеркало светилось изнутри мягким голубоватым светом.

— Знакомся, — сказал Виктор с видом человека, который представляет неприятного родственника. — Это наше говорящее зеркало.

Зеркало вдруг ожило. Свет стал ярче, и из него раздался голос — гнусавый, ехидный и невыносимо самодовольный:

— О-о-о! Новенькая! — взвизгнул голос так, что у меня заложило уши. — Добро пожаловать в нашу веселую компанию! Я — Магическое Зеркало модель 3.0, ваш персональный консультант по красоте и житейским вопросам!

Я подошла ближе. В зеркале отражалось мое лицо, но вокруг отражения плясали какие-то голубые искорки, как на плохо настроенном телевизоре.

— Так, — сказала зеркало, оценивая осматривая меня, — что у нас тут? Рост — средний, вес — в пределах нормы, лицо — не хватает тонального крема, волосы — нужна укладка, одежда — вообще не комментирую. Общая оценка — семь баллов из десяти. И это я еще добрый.

— Простите, что? — Я моргнула.

— Семь баллов, дорогуша. Ты симпатичная, но до звания "самая красивая" тебе как до Китая раком. — Зеркало хихикнуло гадким смешком. — Хочешь знать, кто сейчас лидирует в рейтинге красоты?

— Не особо.

— А я все равно скажу! — Зеркало прямо-таки захлебывалось от восторга. — Бэль де Люкс, Красавица из соседней сказки. Вот это да, вот это класс! Такая кожа, такие волосы, такие формы! А ты... — оно презрительно фыркнуло, — ты как серая мышка рядом с райской птицей.

Виктор подошел к зеркалу и стукнул по раме кулаком.

— Хватит хамить, железяка. Она наш гость.

— Ой, да ладно! — захихикало зеркало. — Я же не со зла! Просто говорю правду. А правда, как известно, колется. Кстати, дорогая, — оно снова обратилось ко мне, — а ты знаешь, что Виктор до сих пор надеется, что его расколдует какая-нибудь красавица? Смешно, правда? Кому нужно такое лохматое чудище?

— Зеркало! — рыкнул Виктор, и в его голосе прозвучала настоящая угроза.

— Что, что? — притворно удивилось зеркало. — Опять правду говорить нельзя? Ладно, ладно, не рычи. А то вспотеешь, а у тебя и так шерсть свалялась.

Я посмотрела на Виктора. Он стоял с опущенной головой, и было видно, что слова зеркала его задели.

— А вы всегда такое... милое? — спросила я у зеркала.

— Милое? — оно прямо прыснуло от смеха. — Дорогуша, я реалист! Я вижу мир таким, какой он есть. Без розовых очков и прочей ерунды. Хочешь, расскажу тебе правду о твоей внешности?

— Нет, спасибо.

— А я расскажу! У тебя нос слишком длинный, подбородок слишком острый, а глаза разного размера. Левый больше правого на два миллиметра.

— Вы что, штангенциркулем меряли?

— У меня встроенная система измерений! — гордо заявило зеркало. — Я могу определить любой параметр с точностью до микрона. Хочешь знать свои пропорции по золотому сечению?

— Хочу знать, как вас выключить.

Зеркало возмущенно засветилось.

— Выключить?! Да я тут единственный источник объективной информации! Без меня вы все так и будете жить в мире иллюзий!

— Зато в мире, где нас не оскорбляют каждые пять минут, — заметила я.

— Это не оскорбления, это констатация фактов! — запищало зеркало. — Вот, например, твой новый друг Виктор. Думаешь, он добрый и милый? А знаешь, каким он был до проклятия?

— Зеркало, заткнись, — устало сказал Виктор.

— Высокомерным эгоистом! — продолжило зеркало, игнорируя его. — Отшивал всех девушек, считал себя пупом земли, обращался со слугами как с мусором! А теперь строит из себя несчастную жертву обстоятельств!

— Хватит! — рявкнул Виктор так, что стекла в окнах задрожали.

— А что, опять правда колется? — ехидно поинтересовалось зеркало. — Не нравится, когда твое прошлое всплывает наружу?

Я посмотрела на Виктора. Он стоял, сжав кулаки, и было видно, что еще немного — и он разнесет это проклятое зеркало в пыль.

— А знаете что, — сказала я, поворачиваясь к зеркалу, — вы очень напоминаете мне одного человека.

— Кого же? — заинтересовалось зеркало.

— Моего бывшего босса. Тоже считал, что имеет право оценивать всех вокруг и раздавать непрошенные советы. Тоже думал, что говорит "правду", а на самом деле просто самоутверждался за чужой счет.

— Как смеешь! — возмутилось зеркало. — Я объективен!

— Объективен? — Я усмехнулась. — Объективность — это когда ты оцениваешь факты без эмоциональной окраски. А вы получаете удовольствие от того, что причиняете людям боль. Это не объективность, это садизм.

— Я... я просто...

— Вы просто законченный хам, — перебила я. — И знаете, что самое смешное? Вы сидите в рамке на стене и можете только болтать языком. У вас нет ни рук, ни ног, ни возможности что-то изменить в этом мире. Вы можете только комментировать жизнь других людей, потому что своей у вас нет.

Зеркало замолчало. Свет в нем стал тусклее.

— Это... это было жестоко, — прошептало оно.

— А что, правда колется? — съязвила я, используя его же слова.

— Ладно, Аня, хватит, — вмешался Виктор. — Оно и так наказано.

— Наказано за что?

— За то же, за что и я. — Виктор посмотрел на зеркало с чем-то похожим на сочувствие. — Это зеркало когда-то было человеком. Придворным льстецом, который зарабатывал на жизни тем, что говорил людям приятную ложь. А когда его разоблачили, он стал говорить только гадкую правду. Колдунья, которая меня заколдовала, превратила его в зеркало. Теперь он обречен говорить правду, но так, что она ранит людей.

— Ох, — выдохнула я. — То есть вы оба...

— Жертвы одной и той же колдуньи, — кивнул Виктор. — И оба несем наказание за свои грехи.

Я посмотрела на зеркало. Оно молчало, и свет в нем был едва заметен.

— Знаете, — сказала я мягче, — а может, хватит друг друга мучить? Вы оба страдаете, но почему-то вымещаете боль друг на друге. Это же глупо.

— Легко сказать, — буркнуло зеркало. — Ты попробуй, когда тебя заставляют говорить только правду, причем самым неприятным способом.

— А вы пробовали говорить правду... по-доброму?

— Как это?

— Ну, вместо "у тебя нос слишком длинный" сказать "у тебя интересный профиль". Правда ведь тоже, но не оскорбительная.

Зеркало задумалось.

— Хм. Я... не думал об этом. Проклятие заставляет меня быть ехидным.

— Проклятие заставляет говорить правду, — поправила я. — А ехидность — это ваш выбор.

— Ты думаешь, я могу... говорить правду, но не причинять боль?

— Можете попробовать. — Я улыбнулась. — Например, про меня. Попробуйте сказать что-то правдивое, но не обидное.

Зеркало помолчало, а потом осторожно сказала:

— У тебя... добрые глаза. И когда ты улыбаешься, лицо становится очень... живым.

— Вот видите! Получается же!

— Да, — удивленно согласилось зеркало. — А знаете, это даже приятно. Не чувствуешь себя после этого гадом.

Виктор смотрел на нас с изумлением.

— Как ты это сделала?

— Что именно?

— Заставила нас поговорить нормально. Мы с зеркалом годами друг друга едим, а ты за пять минут все исправила.

— Я просто применила логику программиста, — пожала я плечами. — Когда система работает неправильно, нужно найти ошибку в коде и исправить ее.

— И какая здесь была ошибка?

— Вы оба думали, что заперты в своих ролях навсегда. Что не можете ничего изменить. Но любое поведение — это выбор. Даже если выбор ограничен, он все равно есть.

Зеркало засветилось ярче.

— Знаешь, девочка, ты мне нравишься. У тебя умная голова. И... — оно помолчало, — спасибо. За то, что не дала мне довести Виктора до белого каления.

— Да и мне спасибо, — добавил Виктор. — Я уже начинал думать, что мы с зеркалом обречены вечно друг друга мучить.

— Возможно, именно в этом и есть ключ к снятию ваших проклятий, — задумчиво сказала я. — Научиться быть лучше, чем вы были раньше.

— Хм, — протянуло зеркало. — А ведь действительно. Колдунья сказала, что проклятие снимется, когда мы поймем свои ошибки. Я думал, что понял, но, видимо, понимания мало. Нужно еще и измениться.

— А я думал, что мне просто нужна любовь красавицы, — добавил Виктор. — Но, может быть, мне нужно сначала научиться любить самого себя. И других тоже.

— Вот видите, — улыбнулась я. — А говорили, что система глючит. Может, она работает именно так, как надо.

— То есть ты считаешь, что попала сюда не случайно? — спросил Виктор.

— А вы как думаете? Случайно ли чудовище нашло Белоснежку? Случайно ли она оказалась той, кто смог помирить вас с зеркалом?

Зеркало задумчиво мерцало.

— Знаешь, если ты права, то эта сказка может закончиться совсем не так, как написано в сценарии.

— И это плохо?

— Нет, — сказал Виктор, глядя на меня с теплотой. — Это может быть очень хорошо.

Рыжик вошел в комнату, посмотрел на нас всех и довольно мурлыкнул. Видимо, он одобрял происходящие изменения.

— Ладно, — сказала я, — пора спать. Завтра посмотрим, что еще может пойти не по сценарию.

— Спокойной ночи, Аня, — сказал Виктор. — И... спасибо. За все.

— Да, спасибо, — добавило зеркало. — Ты... ты хороший человек.

— И вы тоже, — ответила я. — Просто немного заблудились. Но это поправимо.

Я пошла в спальню, а за спиной слышала, как Виктор и зеркало впервые за долгое время ведут нормальный, дружеский разговор.

Может быть, эта сказка действительно закончится не так, как предполагалось. И, знаете что? Мне это начинало нравиться.

Глава 4

Я проснулась от того, что кто-то ломился в дверь, как судебные приставы к злостному неплательщику алиментов. Стук был настолько настойчивый и драматичный, что я сначала подумала — приехали спасатели из реального мира. Или, что более вероятно, налоговая инспекция Зачарованного леса.

— Белоснежка! БЕЛОСНЕЖКА! — орал женский голос с такой истерикой, что где-то в лесу наверняка попадали в обморок все местные феи. — Открой немедленно! Я знаю, что ты здесь!

Я села на кровати, потирая глаза. За окном было раннее утро, солнце только начинало пробиваться сквозь кроны деревьев, а в доме стояла тишина, нарушаемая только этим воплем и топотом Виктора, который явно бежал к двери.

— Кто это может быть? — пробормотала я, натягивая джинсы.

— Открывай, чудовище! — продолжал надрываться голос. — Я королева Изабелла, и я требую увидеть мою падчерицу!

Падчерицу? А, точно. По сценарию у Белоснежки должна быть мачеха. И, если верить классике, злая как сам дьявол и завистливая как подруга, которой не досталось букета на чужой свадьбе.

Я выскочила в коридор как раз в тот момент, когда Виктор открыл дверь. На пороге стояла женщина лет сорока пяти, и выглядела она так, будто только что участвовала в марафоне "Переживания за родственников". Волосы растрепаны, корона съехала набок, а дорогое платье измято так, будто она спала в нем неделю.

— Где она?! — закричала женщина, врываясь в дом как ураган категории "мать-беспокоится". — Где моя Белоснежка?!

— Мам... то есть, ваше величество? — растерянно пробормотала я. — Кстати, меня зовут Аня, а не Белоснежка.

Изабелла замерла как вкопанная, уставившись на меня с таким видом, будто я заявила, что прилетела с Марса на летающей тарелке.

— Что-что? Аня? — переспросила она, моргая. — Какая еще Аня? Откуда взялось это... это странное имя? Ты же Белоснежка! У нас в королевстве таких имен не бывает!

— Ну, это длинная история, — замялась я. — Я вообще-то не из вашего мира.

— Не из нашего мира?! — Изабелла покачнулась. — То есть моя дочь — пришелец?

Изабелла повернулась ко мне, и я увидела лицо, искаженное беспокойством. Под глазами темные круги, губы дрожат, а в глазах такой ужас, будто она думала, что я уже мертва и закопана где-нибудь в лесной чаще.

— Аня! — Она бросилась ко мне и обняла так крепко, что я подумала — сейчас задохнусь от материнской любви. — Слава богам, ты жива! Я так боялась! Когда зеркало сказало, что ты исчезла...

Стоп. Что-то тут не сходилось со стандартным сценарием.

— Простите, — перебила я, осторожно высвобождаясь из объятий, — но вы же должны быть злой мачехой, которая хочет меня убить.

Изабелла моргнула, как сова, которую среди бела дня спросили о смысле жизни.

— Убить? Тебя? — Она посмотрела на меня так, будто я предложила ей съесть живую лягушку. — С ума сошла? Ты же моя дочь!

— Падчерица, — поправил Виктор.

— Дочь, — твердо повторила Изабелла. — Я воспитывала ее с трех лет, кормила, учила, переживала за каждую царапину. Какая, к черту, падчерица?

Тут в разговор вмешалось зеркало, засияв злорадным светом:

— О-о-о! А вот и наша дорогая королева! Как дела, Изабелла? Все еще пытаешься изображать любящую мамочку?

Изабелла повернулась к зеркалу, и выражение ее лица изменилось. Если раньше там было беспокойство, то теперь появилось что-то вроде усталого отвращения.

— А, это ты, — сказала она тоном, которым говорят с особо назойливой мухой. — Я так и знала, что ты во всем этом замешано.

— Я? — Зеркало попыталось изобразить невинность, но получилось примерно как у акулы, пытающейся притвориться золотой рыбкой. — Я же только честно выполняю свои обязанности! Рассказываю правду о том, кто самая красивая!

— Твоя правда, — процедила Изабелла, — это помои, которыми ты пытаешься облить всех вокруг.

— Мамочка такая грубая, — захихикало зеркало. — А помнишь, как ты меня спрашивала, кто красивее — ты или твоя падчерица? И как расстроилась, когда я ответил честно?

— А я никогда такого не спрашивала! — взорвалась Изабелла. — Это ты сам начинал эти разговоры! Каждое утро: "А не хочешь узнать, кто красивее?" Как навязчивая реклама косметики!

Я смотрела на эту перепалку с растущим пониманием. Что-то мне подсказывало, что в классической версии сказки кое-что было не так.

— Зеркало, — сказала я, — а можно вопрос? Кто первый завел разговор о том, кто самая красивая?

Зеркало замялось.

— Ну... это... в общем... королева же должна интересоваться своей внешностью!

— То есть вы сами предложили этот вопрос?

— Я просто... хотел быть полезным...

— Полезным или вредным? — Изабелла сложила руки на груди. — Признайся, сколько семей ты уже разрушил своими "полезными" советами?

Зеркало виновато мерцнуло.

— Некоторые... некоторые не выдерживали правды...

— Какой правды?! — Изабелла была уже на грани срыва. — Ты же сам можешь говорить правду по-доброму! Значит, всегда мог, но предпочитал быть мерзавцем!

Виктор с интересом наблюдал за происходящим, а я начинала понимать, что попала в очень нестандартную версию сказки.

— Изабелла, — сказала я осторожно, — а что именно говорило вам зеркало?

— Каждый день одно и то же, — устало ответила она, опускаясь в кресло. — "Ты стареешь", "у тебя морщины", "твоя падчерица молодеет, а ты увядаешь". А потом начинало предлагать способы "исправить ситуацию".

— Какие способы?

— Сначала косметику. Потом диеты. Потом... — голос Изабеллы дрогнул, — потом оно начало говорить, что молодость можно вернуть только одним способом.

— Каким?

— Избавившись от той, кто молодеет вместо тебя.

Мне стало холодно.

— То есть зеркало подговаривало вас меня убить?

— Не сразу. Сначала оно предлагало "отправить тебя куда-то подальше". Потом "случайно потерять в лесу". А когда я отказывалась, становилось все настойчивее. — Изабелла посмотрела на зеркало с ненавистью. — Оно говорило, что я плохая мать, раз не могу принять необходимых мер. Что все королевы так делают.

— И что же произошло?

— В конце концов я не выдержала и накричала на тебя, — Изабелла всхлипнула. — Сказала ужасные вещи. А утром ты исчезла. Зеркало сказала, что ты убежала в лес, и там... там тебя могли съесть волки.

Картина прояснялась. Классическая сказка в исполнении этого мерзавца-зеркала превратилась в историю о том, как он довел нормальную семью до распада.

— Зеркало, — сказала я, и в моем голосе зазвучала сталь, — вы просто мерзавец.

— Я... я выполнял функции! — запищало зеркало. — Говорил правду!

— Вы манипулировали людьми! Использовали их слабости, чтобы причинять боль!

— Но ведь правда же... Изабелла действительно стареет, а ты молодая...

— И что с того?! — взорвалась я. — Это естественный процесс! Все стареют! Это не повод для семейных драм!

Виктор подошел к зеркалу и снова стукнул по раме.

— Теперь понятно, откуда у меня проблемы с самооценкой, — буркнул он. — Сколько лет ты мне рассказывал, какой я уродливый?

— Ну... лет пять... — пробормотало зеркало.

— Пять лет! — Виктор повернулся к нам. — Пять лет я слушал, как меня каждый день называют монстром, и думал, что это правда!

— А это не правда? — робко спросило зеркало.

— Это не вся правда! — рявкнул Виктор. — Да, я выгляжу не как принц. Но я добрый, заботливый, умею готовить и читать книги! А ты говорил только о моей внешности!

Изабелла смотрела на происходящее с растущим пониманием.

— Значит, это зеркало всех нас... обрабатывало?

— Именно, — кивнула я. — Вас заставляло ревновать к моей молодости, Виктора убеждало в его уродстве, меня пыталось сравнить с вами. Классический прием манипулятора — разделяй и властвуй.

— Но зачем? — спросила Изабелла.

— Потому что ему скучно, — ответила я. — Он заперт в раме и может только наблюдать за жизнью других. Единственное развлечение — создавать драму.

Зеркало виновато мерцало, но молчало.

— И сколько еще семей ты так разрушил? — спросил Виктор.

— Я... не считал...

— А теперь, — сказала я решительно, — ты будешь исправляться. Начнешь говорить правду, но добрую правду. Будешь помогать людям, а не вредить им.

— Но как? — жалобно пискнуло зеркало.

— Очень просто. Видишь проблему — предлагай решение. Видишь недостаток — подсказывай, как его исправить, не унижая человека. Видишь достоинство — обязательно о нем говори.

— А если я не смогу?

— Сможешь, — твердо сказала Изабелла. — Потому что если не сможешь, я тебя разобью на мелкие кусочки и использую для мозаики в саду.

Зеркало испуганно дрогнуло.

— Я... я попробую.

— Вот и хорошо, — Изабелла повернулась ко мне. — А теперь, дорогая, собирайся домой. Хватит с тебя приключений.

— Не могу, — вздохнула я. — Я застряла в сказке, пока не доведу сюжет до конца.

— Какого конца?

— Пока неясно. Сценарий уже сломан.

Изабелла задумалась.

— А может, это и к лучшему? Старый сценарий всем только вредил.

— Вы останетесь? — спросил Виктор.

— А можно? — Изабелла посмотрела на него с надеждой. — Я так долго винила себя в том, что случилось с Аней. Хочется убедиться, что с ней все хорошо.

— Конечно, — кивнул Виктор. — Дом большой, места хватит всем.

— А я могу помочь по хозяйству, — предложила Изабелла. — Готовлю я гораздо лучше любого холостяка.

— Это было бы замечательно, — облегченно вздохнул Виктор. — Честно говоря, я уже устал от яичницы на завтрак, обед и ужин.

Зеркало робко мерцнуло.

— А можно я тоже попробую помочь? Например, подскажу рецепты? У меня в базе данных много информации о кулинарии.

Изабелла посмотрела на него с подозрением.

— Только без подколов и сравнений с другими поварами.

— Обещаю!

Я смотрела на эту сцену и не могла поверить. За один день мы превратили семейную драму в семейную идиллию. Правда, семья получилась весьма нестандартная — IT-шница, заколдованное чудовище, королева-мачеха и говорящее зеркало с комплексом неполноценности.

— Знаете, — сказала я, — а может, мы сами напишем новую сказку? Без злых мачех, без завистливых принцесс и без токсичных зеркал?

— А что будет в этой сказке? — спросила Изабелла.

— Обычная жизнь, — улыбнулась я. — Семья, которая научилась понимать друг друга. Дом, где каждый может быть собой. И зеркало, которое говорит людям приятные вещи.

— Звучит скучно, — заметил Виктор.

— Зато честно. И добро.

— А принцы? Приключения? Магия?

— А зачем нам принцы, если у нас есть чудовище, которое умеет готовить завтрак? — я подмигнула Виктору, и он смущенно зарычал.

Изабелла рассмеялась — впервые с тех пор, как появилась.

— Знаешь, дорогая, мне нравится твоя версия сказки. Давайте попробуем.

— Согласен, — кивнул Виктор.

— И я! — пискнуло зеркало. — Буду самым добрым зеркалом в мире!

— Тогда давайте завтракать, — предложила я. — А там посмотрим, что еще может пойти не по сценарию.

И знаете что? Впервые с тех пор, как я попала в эту сказку, мне стало по-настоящему хорошо. Не от магии, не от приключений, а просто от того, что рядом были люди, которые меня понимали.

Даже если один из них был покрыт шерстью, а другой висел на стене в рамке.

Глава 5

Если вы думаете, что после семейного примирения и групповых объятий в нашем доме воцарился мир и покой, то вы явно никогда не пытались подружить бывшего манипулятора с его жертвой. Это примерно как заставить кота и пылесос мирно сосуществовать в одной комнате — технически возможно, но требует постоянного надзора и огнетушителя под рукой.

Проблемы начались уже через час после "великого примирения".

Я помогала Изабелле устроиться в одной из комнат, когда зеркало решило продемонстрировать свои новые навыки "доброй правды".

— Изабелла, дорогая! — заворковало оно елейным голосом, который звучал как реклама антидепрессантов. — А знаешь, сегодня ты выглядишь просто... как сказать помягче... уставшей!

Изабелла замерла, держа в руках стопку белья.

— Что ты сказал?

— Я же стараюсь говорить правду по-доброму! — гордо объявило зеркало. — Вместо "ты выглядишь как труп, которого три дня таскали по лесу" я сказал "уставшей"! Прогресс же! Я увидела, как лицо Изабеллы стало цвета свежзамороженной рыбы.

— Зеркало, — сказала я предупреждающе, — мы говорили о добрых комплиментах.

— А это и есть комплимент! — возмутилось зеркало. — Я же не сказал про мешки под глазами и седые корни!

— ЗЕРКАЛО! — рявкнула Изабелла таким голосом, что где-то в лесу, наверное, попадали все спящие медведи.

— Что? Что я такого сказал?! Я же стараюсь!

— Твоя попытка "стараться", — процедила Изабелла, — напоминает попытку слона заниматься балетом. Технически он двигается, но зрелище все равно ужасающее.

Виктор высунул голову из кухни:

— Что там происходит? У меня яйца подгорели от ваших криков.

— Наш "исправившийся" консультант, — сказала я, — решил сделать Изабелле комплимент о том, как она "устало" выглядит.

Виктор поморщился.

— Зеркало, а ты в принципе понимаешь, что такое комплимент?

— Конечно! — обиделось зеркало. — Комплимент — это когда говоришь что-то приятное о человеке!

— Точно. А что приятного в том, что человек выглядит уставшим?

Зеркало задумалось.

— Ну... усталость показывает, что человек много работает?

— Или что его всю ночь мучила бессонница из-за переживаний за дочь, — ледяным тоном добавила Изабелла.

— Ой. — Зеркало виновато мерцнуло. — Я не подумал.

— Вот именно. Ты не подумал. — Изабелла села на кровать и посмотрела на зеркало с таким выражением, каким смотрят на особо тупого ученика. — Слушай внимательно, железяка. Комплимент — это когда ты находишь в человеке что-то действительно хорошее и говоришь об этом. Не "ты не такая страшная, как обычно", а "у тебя красивые глаза". Понял разницу?

— Кажется, да, — неуверенно протянуло зеркало. — То есть нужно искать хорошее, а не пытаться смягчить плохое?

— Именно!

— Хм. А можно я попробую еще раз?

Изабелла вздохнула, как мать, которая в сотый раз объясняет ребенку, почему нельзя совать пальцы в розетку.

— Давай. Но если ты снова меня оскорбишь, я тебя заверну в плотную ткань и поставлю в чулан до конца века.

Зеркало нервно мерцнуло.

— Изабелла, у тебя... у тебя очень добрые руки. Когда ты обнимала Аню, было видно, как сильно ты ее любишь.

Изабелла моргнула от удивления.

— О. Это... это действительно мило.

— Получилось? — с надеждой спросило зеркало.

— Получилось, — улыбнулась Изабелла. — Вот видишь, ты можешь, когда стараешься. Я подумала, что кризис миновал, но зеркало решило развить успех:

— А еще у тебя очень... эм... выразительное лицо! Когда ты злишься, даже демоны прячутся!

Температура в комнате упала градусов на десять.

— Зеркало, — сказала я быстро, — это уже не комплимент.

— Почему? Я сказал, что у нее выразительное лицо!

— Но потом добавил, что она пугает демонов!

— Но ведь это же круто! Не каждый может напугать демона!

Изабелла медленно поднялась с кровати. В ее движениях была такая угроза, что я невольно отступила к двери.

— Зеркальце, — произнесла она тоном, которым говорят с особо опасными преступниками, — а ты знаешь, что в нашем королевстве делают с зеркалами, которые не умеют себя вести?

— Н-нет, — пролепетало зеркало.

— Их разбивают на осколки и используют для украшения дорожек в саду. Очень красиво блестят под ногами прохожих.

— Я исправлюсь! — взвизгнуло зеркало. — Честное зеркальное! Больше никаких плохих комплиментов!

— А знаешь что, — сказала Изабелла, садясь обратно, — давай-ка ты пока вообще помолчишь. Понаблюдаешь, как общаются нормальные люди. Может быть, научишься.

— Но я хочу участвовать в разговоре!

— Зеркало, — вмешалась я, — когда ребенок учится ходить, он сначала ползает, потом держится за мебель, и только потом начинает бегать. Ты пытаешься сразу бежать марафон.

— А что мне делать?

— Слушать. Учиться. И говорить только тогда, когда тебя спрашивают.

— Это скучно, — ныло зеркало.

— Зато безопасно, — мрачно заметила Изабелла. — Для тебя.

Зеркало обиженно потускнело и замолчало.

Мы с Изабеллой закончили разбирать вещи в относительной тишине, нарушаемой только отдаленным ворчанием Виктора на кухне и шипением сковородки.

— Аня, — сказала Изабелла, складывая последнее платье в шкаф, — а можно вопрос?

— Конечно.

— Откуда ты взялась? То есть если ты не Белоснежка, то кто ты такая?

Я рассказала ей свою историю — про обычную жизнь в Москве, работу программистом, одиночество и странное попадание в сказку. Изабелла слушала с все возрастающим изумлением.

— То есть в твоём мире нет магии?

— Есть, но называется по-другому. Интернет, телефоны, компьютеры.

— А королей?

— Есть, но власти у них немного. В основном для красоты.

— А как же люди узнают, кто самый красивый?

Я фыркнула.

— Снимают селфи и выкладывают в интернет. Кто больше лайков наберет, тот и красивый.

— Лайков?

— Это как... одобрительные кивки, только в цифрах.

Изабелла покачала головой.

— Станный у вас мир. А семьи как живут? Без зеркал же?

— Обычно. Любят друг друга, ссорятся, мирятся. В основном без магических консультантов.

— Наверное, поэтому у вас меньше семейных драм, — вздохнула Изабелла.

— О, драм хватает, — усмехнулась я. — Просто другого сорта. У нас есть социальные сети, где люди сами себя сравнивают с другими и комплексуют.

— То есть они сами себе зеркала?

— Можно и так сказать.

Изабелла задумалась.

— А в твоём мире мачехи злые?

— Бывают разные. Как и родные матери, собственно.

— А в сказках?

— В сказках почти всегда злые. Но это же сказки. Там вообще все не как в жизни.

— Я всегда думала, что со мной что-то не так, — тихо сказала Изабелла. — Все знакомые мачехи в других королевствах жалуются на падчериц, завидуют им, строят козни. А я просто... любила тебя. И думала, что я плохая мачеха.

— Вы думали, что плохая мачеха, потому что любите падчерицу? — Я не поверила своим ушам. — Это же абсурд!

— Но зеркало постоянно говорило...

— Зеркало говорило чушь! — Я повернулась к стене, где висел молчаливый наш консультант. — Эй, железяка! Ты слышишь?

Зеркало робко мерцнуло.

— Слышу.

— Хочешь знать, какая Изабелла мачеха?

— Хочу.

— Лучшая. Она единственная во всем сказочном мире, кто не завидует молодости падчерицы, а просто любит ее. Понимаешь? Не ревнует, не строит козни, а ЛЮБИТ.

Зеркало ярко засветилось.

— Ого. Это действительно... уникально.

— И если бы ты с самого начала говорил ей об этом, вместо того чтобы сравнивать с другими, у нас не было бы никаких проблем.

— Я... я не подумал, что любовь важнее красоты, — прошептало зеркало.

— Любовь ВСЕГДА важнее красоты, — сказала Изабелла. — Красота проходит, а любовь остается.

— А в моей базе данных написано, что красота — это главное...

— Твоя база данных составлена идиотами, — заявила я. — Красота — это приятный бонус, но не главное. Главное — это доброта, честность, верность, способность любить.

— Но тогда получается, что я всю жизнь задавал неправильные вопросы? — ужаснулось зеркало.

— Именно.

— Вместо "кто самая красивая" нужно было спрашивать "кто самая добрая"?

— Или вообще не спрашивать ничего, а просто говорить людям приятные вещи без рейтингов и сравнений.

Зеркало молчало так долго, что я начала беспокоиться — не сломалось ли оно от переизбытка информации.

— Зеркало? Ты живо?

— Живо. Просто... перестраиваю систему ценностей. — Оно мерцнуло. — Это сложно, когда тебе несколько веков твердили одно, а потом выясняется, что все было неправильно.

— Ничего, — успокоила его Изабелла. — У меня тоже несколько лет ушло на то, чтобы понять, что я хорошая мать, а не плохая мачеха.

— А сколько времени нужно, чтобы стать хорошим зеркалом?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но ты уже начал. Это главное.

В дверь просунулась лохматая голова Виктора:

— Девочки, обед готов! И... эм... зеркало, ты не мог бы подсказать, правильно ли я приготовил суп? Только без оскорблений, пожалуйста.

Зеркало осторожно засветилось:

— Виктор, суп пахнет очень аппетитно. И... и спасибо, что спросил моего мнения. Я постараюсь ответить честно, но тактично.

Виктор удивленно поднял брови:

— Ого. А ты действительно можешь быть вежливым.

— Учусь, — скромно ответило зеркало.

Мы спустились на кухню, где нас ждал обед, приготовленный с любовью, хоть и не без приключений. Суп оказался вполне съедобным, хлеб — слегка подгоревшим, но ароматным, а атмосфера — на удивление теплой.

— Знаете, — сказала я, отхлебывая суп, — а может, мы и правда сможем написать новую сказку. Где все учатся быть лучше, а не просто исполняют заданные роли.

— Мне нравится эта идея, — кивнула Изабелла.

— И мне, — добавил Виктор.

— А мне разрешат участвовать? — робко спросило зеркало.

— Конечно, — улыбнулась я. — Но в роли доброго советчика, а не злобного провокатора.

— Я буду стараться!

И знаете что? Впервые с тех пор, как я попала в эту сказку, мне показалось, что у нас действительно может все получиться.

Глава 6

Если бы мне кто-то сказал, что самый спокойный день в моей сказочной жизни закончится появлением охренительно красивой психопатки с манией величия, я бы рассмеялась ему в лицо. Но судьба, видимо, решила, что мне слишком хорошо живется в компании ворчливого чудовища, доброй мачехи и исправляющегося зеркала.

Мы как раз сидели на веранде и мирно пили послеобеденный чай. Изабелла рассказывала Виктору про устройство королевства, я читала местную газету (да, даже в сказочном мире есть пресса, и она такая же желтая, как везде), а зеркало молчало, пытаясь изображать обычный предмет интерьера.

— А вы знаете, — говорила Изабелла, размешивая сахар в чашке, — в нашем королевстве очень прогрессивные законы. Например, волшебные существа имеют равные права с людьми. Могут владеть собственностью, заключать браки...

— Серьезно? — удивился Виктор. — А в моем бывшем княжестве чудовищ считали неполноценными.

— Полная архаика, — фыркнула Изабелла. — У нас даже принцесса-драконица есть. Правда, она живет в соседней провинции и занимается благотворительностью.

Я отвлеклась от статьи про урожай волшебных яблок и посмотрела на них. Какая идиллия, честное слово. Мачеха и чудовище обсуждают социальные вопросы за чаем с печеньем. Не хватает только...

— ИЗВИНИТЕ! — раздался звонкий голос от калитки. — ТУТ ЖИВЕТ ЧУДОВИЩЕ?

Мы все повернулись к источнику звука. К дому приближалась девушка, которая выглядела так, будто сошла с обложки глянцевого журнала "Принцесса месяца". Каштановые волосы развевались на ветру идеальными локонами, синие глаза сияли как сапфиры, а фигурка в бирюзовом платье двигалась с грацией профессиональной модели.

— Боже мой, — прошептала Изабелла, — какая красавица.

— Неестественно красивая, — буркнул Виктор. — Подозрительно красивая.

А я почему-то сразу почувствовала, что эта красота принесет нам проблемы. Интуиция программиста, знаете ли. Когда код выглядит слишком идеально, в нем обязательно есть скрытый баг.

Красавица подошла к веранде и сделала изящный реверанс.

— Добрый день! Меня зовут Бэль. Я ищу Чудовище по имени Виктор.

— Это я, — осторожно ответил Виктор. — А вы кто и зачем меня ищете?

Бэль просто засияла улыбкой, которая могла бы рекламировать зубную пасту.

— Я ваша суженая! Та самая Красавица, которая должна вас расколдовать!

Повисла тишина. Такая тишина, которая бывает после взрыва, когда еще не понятно, кто жив, а кто нет.

— Простите, что? — переспросила я.

— Я Красавица из сказки "Красавица и Чудовище"! — гордо объявила Бэль. — Приехала исполнить свое предназначение. Полюбить этого... — она окинула Виктора оценивающим взглядом, — ...существо и расколдовать его поцелуем истинной любви.

— А где вы были три года? — спросил Виктор с подозрением.

— О, длинная история! — Бэль махнула рукой. — Сначала заблудилась по дороге. Потом попала в плен к разбойникам. Потом меня похитил дракон. Потом я провела полгода в монастыре, восстанавливая душевные силы. Ну и так далее. Главное, что я здесь!

— Как удобно, — пробормотала я.

— Простите? — Бэль повернулась ко мне с таким милым недоумением, что захотелось ее ударить.

— Я говорю, как удобно, что вы появились именно сейчас.

— А когда же мне было появляться?

— Ну, скажем, три года назад, когда полагалось по расписанию?

Бэль рассмеялась — звонко, музыкально, как колокольчики на ветру.

— Ах, милочка, в сказках время течет по-особенному! Иногда героини опаздывают, иногда приходят раньше. Главное — прибыть в нужный момент!

— А какой момент нужный? — не отставала я.

— Ну, когда Чудовище уже достаточно настрадалось и готово к любви! — Бэль снова одарила Виктора ослепительной улыбкой. — Судя по всему, момент как раз наступил!

Виктор поморщился.

— А откуда вы знаете, что я настрадался?

— А разве не настрадались? — Бэль наклонила голову, изображая сочувствие. — Беденький, небось совсем отчаялись? Думали, что так и останетесь чудовищем?

— Знаете что, — вмешалась Изабелла, — а может, вы сначала познакомитесь с нашей семьей? Узнаете, как мы живем, что нас интересует?

— Семей? — Бэль удивленно посмотрела на нас. — А при чем тут семья? Мне нужно только Чудовище.

— Виктор — часть нашей семьи, — твердо сказала я. — Если хотите с ним отношения, придется принимать нас всех.

— Отношения? — Бэль рассмеялась. — Милочка, какие отношения? Я должна его полюбить, он должен полюбить меня, поцелуй — и дело с концом! Он станет принцем, мы поженимся и будем жить долго и счастливо. Стандартная схема!

— А если я не хочу жениться? — спросил Виктор.

Бэль уставилась на него, как на говорящую собачку.

— Не хотите? Но почему? Я же красивая!

— Красота — не единственное, что важно в браке, — заметила Изабелла.

— А что еще? — искренне удивилась Бэль.

— Ну... общие интересы, взаимопонимание, дружба...

— Зачем мне дружба с чудовищем? — Бэль поморщилась. — Он должен превратиться в принца, и тогда мы будем дружить!

— А если не превратится?

— Как это "не превратится"? — Бэль явно не понимала. — Конечно, превратится! Так написано в сценарии!

— Сценарий можно менять, — сказала я.

— Что за ерунда? — Бэль посмотрела на меня с раздражением. — Сценарии не меняют! Их исполняют!

— А мы уже изменили, — спокойно ответила Изабелла. — У нас теперь своя версия сказки.

— Какая еще версия? — Голос Бэль стал менее мелодичным. — Кто вы такие вообще?

— Я мачеха Белоснежки, — представилась Изабелла. — Добрая мачеха.

— Не бывает добрых мачех! — фыркнула Бэль.

— Бывают. А это сама Белоснежка, — Изабелла кивнула на меня.

— Она? — Бэль оглядела меня с головы до ног. — В джинсах? Без корсета? Это не Белоснежка!

— Почему же не Белоснежка? — спросила я.

— Потому что настоящая Белоснежка должна быть нежной, беспомощной и красивой! А вы... — она замялась.

— Я что?

— Вы обычная! — выпалила Бэль. — И почему вы здесь, в доме Чудовища? Должны быть у гномов!

— Гномы в отпуске.

— Как в отпуске? — Бэль становилась все более возмущенной. — У гномов не может быть отпуска! Они должны работать и петь песни!

— Времена меняются, — пожал плечами Виктор.

— Ничего не меняется! — взвизгнула Бэль. — Сказки не меняются! Все должно быть как положено!

— А если нам не нравится, как положено? — спросила я.

Бэль уставилась на меня с таким выражением, будто я предложила ей съесть живую лягушку.

— Не нравится? Но... но как это "не нравится"? Это же сказка! Тут не может что-то не нравиться!

— Может, — твердо сказала Изабелла. — И мы решили жить по-своему.

— А я не позволю! — рявкнула Бэль, и вся ее красивая маска слетела. — Я три года добиралась сюда! Я имею право на своего принца!

— Принц не вещь, — заметил Виктор. — Меня нельзя получить "по праву".

— Можно! В сказке можно! Вы все испортили мою историю!

— Мы создали новую, — сказала я. — Лучше старой.

— Хуже! — взвизгнула Бэль. — Намного хуже! Но ничего, я все исправлю!

И с этими словами она развернулась и ушла, оставив нас в полном недоумении.

— Ну и психопатка, — резюмировала я.

— Красивая психопатка, — добавил Виктор.

— Самые опасные, — вздохнула Изабелла. — У меня плохое предчувствие.

— И у меня тоже, — согласилась я, глядя вслед удаляющейся фигурке.

Что-то мне подсказывало, что наша тихая семейная идиллия закончилась. И начались большие неприятности.

Глава 7

После ухода Бэль мы долго сидели молча, каждый переваривая встречу с ураганом в бирюзовом платье. Солнце клонилось к закату, чай давно остыл, а в воздухе висело ощущение

надвигающейся катастрофы — такое же, какое бывает перед грозой, когда даже птицы замолкают и прячутся.

Виктор встал, прошелся по веранде и остановился у перил, глядя в сторону леса, куда исчезла наша незваная гостья.

— Знаете, — сказал он наконец, не оборачиваясь, — может, стоит рассказать вам, как меня вообще заколдовали? Чтобы вы понимали, с чем мы имеем дело.

— Конечно, — кивнула Изабелла. — Мы же семья. Семьи должны знать историю друг друга.

Я отложила газету, которую так и не дочитала, и приготовилась слушать. Что-то мне подсказывало, что история будет не из приятных.

— Обязательно, — кивнула Изабелла. — Мы же семья. Семья должна знать историю друг друга.

Виктор встал, прошелся по веранде и сел обратно. Видно было, что воспоминания даются ему тяжело.

— Было это лет семь назад. Я тогда был... другим. — Он поморщился. — Принц Виктор Алексеевич Третий, наследник престола, завидный жених и полнейший мудака.

— Серьезно? — удивилась я.

— Еще какой. — Виктор горько усмехнулся. — Представьте себе молодого красивого принца, который с детства слышал только комплименты и никогда не получал отказа. Который считал, что весь мир создан для его удовольствия, а все остальные — декорации в его личной сказке.

— Ох, — протянула Изабелла. — Знаю таких. Встречала при дворе.

— Я отвергал всех принцесс, которых мне присылали родители. Слишком глупая, слишком умная, слишком тихая, слишком болтливая. Все были недостойны великого принца Виктора. — Он покачал головой. — Господи, каким же я был ублюдком.

— И что случилось?

— А случилась она. Фея Моргана. — Виктор аж передернулся от воспоминаний. — Появилась во дворце под видом старой нищенки и попросила приюта на ночь.

— А вы ее прогнали?

— Хуже. Я велел слугам вышвырнуть ее вон и еще посмеялся над ее видом. Сказал, что не желаю видеть в своем дворце уродов и попрошайек. — Виктор закрыл морду лапами. — Она стояла под дождем, мокрая, дрожала от холода, а я смотрел из окна и хохотал.

— Ну ты и сволочь был, — констатировала я.

— Еще какая. И тогда она сбросила маскировку и показала свое истинное лицо. Красивая, могущественная, и злая как сто чертей. Сказала: "Раз ты судишь всех по внешности, принц, то и тебя будут судить так же. Станешь чудовищем, пока не найдешь того, кто полюбит тебя таким, какой ты есть изнутри."

— Классика жанра, — заметила Изабелла.

— Да. А еще она сказала, что если через семь лет этого не произойдет, я останусь чудовищем навсегда. — Виктор помрачнел. — И добавила, что пришлет мне Красавицу, которая станет последней попыткой.

— Бэль?

— Видимо, да. По крайней мере, других кандидаток не наблюдается.

— А что случилось потом?

— Потом началась веселуха. — Виктор горько рассмеялся. — Утром я проснулся в теле чудовища. Слуги в ужасе разбежались, родители отреклись от меня и объявили, что принц умер от тяжелой болезни. Друзья испарились, невесты отозвали свои предложения. За один день я из принца превратился в изгоя.

— И что вы делали?

— Первый год бесился. Крушил мебель, рычал на всех, кого встречал, проклинал судьбу и фею Моргану. Думал, что все несправедливо, что я не заслужил такого наказания.

— А потом?

— А потом до меня дошло, что справедливо заслужил. — Виктор посмотрел на нас. — Помните, как зеркало рассказывало, каким я был? Высокомерным, жестоким, эгоистичным? Так вот, оно еще мягко выражалось.

— Расскажите подробнее, — попросила я.

Виктор помолчал, собираясь с мыслями.

— Я издевался над слугами. Увольнял их за малейшие провинности, не платил жалованье, если настроение было плохое. У меня была традиция — каждый день находить кого-то, над кем можно поиздеваться.

— Боже мой, — прошептала Изабелла.

— Это еще что. Я отвергал принцесс самыми жестокими способами. Одной сказал, что она толстая как корова. Другой — что у нее голос как у вороны. Третью вообще публично высмеял на балу, сказав, что скорее женюсь на лошади, чем на ней.

— И что с ними стало?

— Первая впала в депрессию и три года не выходила из замка. Вторая заикается до сих пор. Третья... — Виктор замялся. — Третья покончила с собой.

В воздухе повисла тишина.

— Из-за меня, — тихо добавил он. — Девочка не выдержала позора.

— Виктор... — начала Изабелла.

— Нет, не оправдывайте меня. Я был монстром еще до превращения. Фея просто сделала внешность соответствующей внутреннему содержанию.

— И когда вы это поняли?

— Года через два. Когда остался совсем один. Даже собака сбежала, увидев мое новое лицо. — Он горько усмехнулся. — Я сидел в пустом замке, смотрел в зеркало на свою морду и понимал — я получил по заслугам.

— Что вы чувствовали?

— Стыд. Такой стыд, что хотелось провалиться сквозь землю. Я вспоминал каждый свой подлый поступок, каждое жестокое слово. И понимал, сколько людей сделал несчастными.

— А дальше?

— А дальше начал работать над собой. Читал книги по психологии, философии, этике. Учился готовить, убирать, заботиться о себе сам. Впервые в жизни делал что-то своими руками.

— И как это было?

— Унизительно поначалу. — Виктор рассмеялся. — Представьте принца, который пытается сварить суп и постоянно его сжигает. Или стирать белье и красить все в розовый цвет.

— А потом?

— А потом стало... приятно. Я впервые почувствовал удовлетворение от результата собственного труда. Понял, что могу быть кому-то полезен, даже если этот кто-то — только я сам.

— И когда пришли гномы?

— Через три года. Они искали временное жилье, а у меня был пустой замок. Предложили аренду — они живут, работают, а я получаю компанию и часть дохода от шахты.

— Они не испугались вашего вида?

— Гномы народ практичный. Их больше интересовала сумма арендной платы, чем мой внешний вид. — Виктор улыбнулся. — Они первыми отнеслись ко мне как к обычному... ну, относительно обычному существу.

— И как вы с ними ладили?

— Поначалу тяжело. Они были шумные, веселые, постоянно пели эти свои рабочие песни. А я привык к тишине и одиночеству. Но постепенно втянулся.

— Они знали, кто вы такой?

— Конечно. Но их это не волновало. Для них я был просто Виктором, который иногда помогает по хозяйству и неплохо готовит рагу.

— А почему они ушли?

— Профсоюз добился для них лучших условий в соседнем королевстве. Они получили предложение, от которого глупо было отказаться. — Виктор пожал плечами. — Я их не виню. Каждый имеет право на лучшую жизнь.

— Вы не пытались их удержать?

— А зачем? Любовь — это когда желаешь человеку счастья, даже если оно не с тобой.

Я посмотрела на него с новым пониманием. Этот лохматый гигант действительно изменился. Из эгоистичного принца превратился в... человека. В хорошего человека.

— А вы не жалеете о прошлом? — спросила Изабелла.

— О поступках — да. О том, что стал другим — нет. — Виктор посмотрел на нас. — Знаете, иногда мне кажется, что проклятие — это лучшее, что со мной случилось.

— Почему?

— Потому что принц Виктор был красивым, но пустым. А чудовище Виктор научилось любить, дружить, заботиться о других. Что важнее?

— Определенно второе, — согласилась я.

— Вот и я так думаю. И когда появилась эта... Бэль... я понял, что она хочет получить принца, которого больше не существует.

— А если она влюбится в вас настоящего?

— Она? — Виктор фыркнул. — Она даже не попыталась меня узнать. Для нее я просто препятствие на пути к красивому принцу. Материал для переделки.

— И что вы будете делать?

— Буду жить как жил. С теми, кто принимает меня таким, какой я есть. — Он посмотрел на нас тепло. — С моей семьей.

— Семейей? — переспросила Изабелла.

— А разве мы не семья? Пусть странная, но семья. Мы заботимся друг о друге, поддерживаем. Разве не это главное?

Я почувствовала, как щиплет глаза. Этот большой лохматый идиот был прав. Мы действительно стали семьей. И никакая красивая психопатка не должна это разрушить.

Глава 8

Я проснулась от того, что кто-то орал под окнами как потерпевший кораблекрушение, заметивший спасательный вертолет. Рывок к окну — и я увидела Бэль в ослепительно белом платье, которая стояла посреди двора и надрывалась голосом, способным разбудить мертвых.

— Виктор! О, мой возлюбленный! Выйди ко мне!

Я посмотрела на часы. Половина седьмого утра. Какого черта?

— Я знаю, что ты там! — продолжала завывать Бэль. — Не прячься от судьбы!

Я натянула халат и выскочила на веранду. Виктор уже был там, растрепанный и явно только что проснувшийся. Изабелла выглядывала из своего окна с выражением лица человека, готового совершить убийство.

— Какого хрена ты орешь в половине седьмого? — рявкнула я.

Бэль повернулась ко мне и улыбнулась с таким видом, будто я была ее лучшей подругой.

— Доброе утро, дорогая! Я пришла петь серенады моему возлюбленному! Разве не романтично?

— Романтично было бы в восемь вечера, а не на рассвете! — взорвалась Изабелла, появляясь на веранде в ночной рубашке и тапочках. — У людей есть понятие "приличное время"!

— А любовь не знает времени! — гордо объявила Бэль и снова повернулась к Виктору. — Мой дорогой, я всю ночь не спала, думая о тебе!

— Это ваши проблемы, — буркнул Виктор. — Мне спать не мешайте.

— Но я же для тебя старалась! — Бэль изобразила оскорбленную невинность. — Я принесла тебе завтрак!

Она достала из корзинки что-то, что отдаленно напоминало пироги, если пироги делать из картона и клея.

— Спасибо, не голодны, — отрезала я.

— А тебя никто не спрашивал! — огрызнулась Бэль, и маска милой девочки на секунду слетела. — Я говорю с Виктором!

— А Виктор говорит со мной, — парировала я. — Правда, Виктор?

Виктор посмотрел на меня, и в его взгляде было столько тепла, что у меня екнуло сердце.

— Правда, Аня.

Бэль это заметила. О да, она определенно заметила, как он на меня посмотрел. Лицо у нее стало как у змеи, увидевшей мышь.

— А-а-а, понятно, — протянула она. — Значит, она тебя околдовала?

— Что? — хором переспросили мы с Виктором.

— Эта... Белоснежка, — Бэль произнесла мое сказочное имя так, будто это было ругательство. — Она же ведьма! Опоила тебя зельем!

— С чего вы взяли? — опешила я.

— А как еще объяснить, что такой... — она окинула Виктора взглядом, — существо предпочитает какую-то замарашку настоящей принцессе?

Ой, гадина. Просто законченная гадина.

— Может, тем, что у "замарашки" есть мозги и сердце? — сказала я ледяным тоном.

— А у меня что, нет?

— Мозгов точно нет. Насчет сердца сомневаюсь.

Бэль покраснела так, что стала похожа на переспелый помидор.

— Как ты смеешь! Я красавица!

— И что? Красавицами рождаются, а людьми становятся.

— Девочки, хватит, — вмешался Виктор. — Бэль, идите домой. Спасибо за завтрак, но он нам не нужен.

— Но я же твоя суженая! — взвыла Бэль.

— Нет, — твердо сказал Виктор. — Вы не моя суженая. У меня есть семья, и в ней нет места для тех, кто не умеет уважать других.

Бэль постояла, открывая и закрывая рот как рыба, выброшенная на берег. Потом развернулась и ушла, но перед уходом бросила:

— Я еще вернусь! И тогда мы поговорим по-другому!

— Угу, жди у моря погоды, — пробормотала я ей вслед.

Когда она скрылась за деревьями, мы с облегчением вздохнули.

— Ну и психопатка, — резюмировала Изабелла.

— А главное, настойчивая, — добавил Виктор мрачно. — Такие легко не сдаются.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что безумно боюсь его потерять. За эти недели он стал... важным. Очень важным. Когда он смотрел на меня, я чувствовала себя нужной, ценной, любимой. А когда Бэль требовала его как свою собственность, во мне просыпалось что-то хищное и готовое к драке.

— Виктор, — сказала я осторожно, — а что, если она действительно вас заколдует? Или заставит силой?

— Тогда я буду сопротивляться.

— А если не сможете?

Он подошел ко мне и осторожно взял за руки. Его лапы были теплые и удивительно нежные.

— Аня, послушай меня внимательно. Никто и никогда не заставит меня быть с тем, кого я не люблю. Понятно?

— А кого вы любите? — прошептала я.

— Как будто ты не знаешь, — улыбнулся он.

И тут Изабелла тактично кашлянула:

— Может, зайдем в дом? А то соседи подумают, что мы тут театр устроили.

Мы зашли в дом, и я принялась готовить настоящий завтрак вместо бэльских картонок. Но мысли мои были заняты совсем не кулинарией. Виктор... любит меня? Серьезно? И что я чувствую к нему?

Страх потерять его подсказывал ответ. Я тоже его любила. Этого большого, лохматого, доброго идиота с грустными глазами и нежным сердцем. Любила так, что готова была подраться с любой принцессой, которая попытается его отнять.

Но признаться в этом вслух... Страшно. А вдруг я неправильно его поняла?

Размышления прервал стук в дверь. Не настойчивый, как утром, а вежливый.

— Я открою, — сказал Виктор.

На пороге стоял незнакомый мужчина в дорогом костюме. Красивый, статный, с благородной осанкой. Принц, одним словом.

— Добрый день, — вежливо сказал он. — Я ищу даму по имени Бэль. Мне сказали, она здесь бывает.

— А вы кто? — подозрительно спросила я.

— Принц Дамиан Эдуардович, — представился мужчина. — Я... жених Бэль.

Что за хрень? Какой еще жених?

— Простите, — сказала Изабелла, — но Бэль утверждает, что она должна выйти замуж за Виктора.

Принц Дамиан удивленно поднял брови.

— За Виктора? Но почему? Она же моя невеста. Мы помолвлены уже полгода.

Ох, вот это поворот! Наша принцесса оказывается еще и невеста чужая!

— А она знает, что вы ее ищете? — спросила я.

— Конечно. Я езжу за ней уже неделю. Она сбежала прямо со свадьбы.

— Прямо со свадьбы? — ахнула Изабелла.

— Да. Сказала, что нашла свою истинную любовь и должна спасти заколдованного принца. — Дамиан выглядел растерянным. — Я думал, она просто нервничает перед свадьбой. Но она действительно сбежала!

— И что вы собираетесь делать? — спросил Виктор.

— Увезти ее домой. Свадьба назначена на следующую неделю, гости уже съезжаются. — Принц помрачнел. — Честно говоря, я сам не очень хочу этой свадьбы. Родители устроили помолвку по политическим соображениям. Но слово есть слово.

— А она хочет? — поинтересовалась я.

— Понятия не имею. Она всегда соглашалась со всем, что говорил ее отец. А потом вдруг заявила, что полюбила и сбежала.

— К нам, — мрачно добавил Виктор.

— Видимо, да. — Дамиан посмотрел на него с любопытством. — А вы действительно заколдованный принц?

— Бывший принц. Ключевое слово "бывший".

— Понятно. — Дамиан помолчал. — А можно спросить... вы влюблены в Бэль?

— Боже упаси, — искренне ответил Виктор.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Дамиан. — А то я уже думал, что придется драться на дуэли.

— Не придется. Более того, можете забирать свою невесту и больше ее к нам не привозить.

— А если она не захочет?

— Тогда это ваши проблемы, — сказала я. — Мы ее не звали и не держим.

Дамиан кивнул и собрался уходить, но в этот момент из леса выбежала Бэль. Увидев принца, она побледнела как мел.

— Дамиан! Что ты здесь делаешь?

— Забираю беглую невесту, — сухо ответил он. — Собирайся, Бэль. Едем домой.

— Я не поеду! — заявила она. — Я нашла свою истинную любовь!

— Какую еще любовь? — Дамиан посмотрел на Виктора. — Он же сказал, что не влюблен в тебя.

— Он... что? — Бэль уставилась на Виктора.

— Я не люблю вас, — спокойно повторил Виктор. — И никогда не полюблю. Идите к своему жениху.

— Но ты должен! — взвизгнула Бэль. — По сценарию ты должен в меня влюбиться!

— Сценарии можно менять, — сказала я злорадно.

Бэль стояла посреди двора, красивая, но жалкая. Как кукла, которую бросил ребенок.

— Но тогда... тогда что я буду делать? — прошептала она.

— Выходить замуж за меня, — устало сказал Дамиан. — Как и планировалось.

— Но я же не люблю тебя!

— И я тебя не люблю. Но мы сможем жить цивилизованно и уважать друг друга.

Бэль посмотрела на нас всех, и вдруг ее лицо исказилось от ярости.

— Это все из-за тебя! — закричала она, показывая на меня пальцем. — Ты все испортила! Украла мою сказку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.